Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Елена Сикорская-Набокова: Жизнь длиною в век. Почти | Elena Sikorsky-Nabokov : Presque un siècle de vie

Auteur: Надежда Сикорская, Женева , 23.03.2016.

Елена Владимировна Сикорская за любимым занятием - чтением (из семейного архива)

В этом месяце чудесной женщине, известной в литературных кругах как «сестра Набокова» и почти двадцать лет проработавшей в библиотеке женевского Дворца наций, исполнилось бы 110 лет. Ее бывшие сослуживцы попросили немного

рассказать о ней, что мы с удовольствием и делаем.

|

Ce mois-ci, une femme remarquable, connue dans les cercles littéraires comme la « sœur de Nabokov » et ayant travaillé 20 ans à la bibliothèque du Palais des Nations à Genève, aurait soufflé ses 110 bougies. Ses ex-collaborateurs nous ont demandé d'en parler.

Elena Sikorsky-Nabokov : Presque un siècle de vie

Если совсем коротко, в стиле анкеты, то жизнь Елены Владимировны Сикорской можно представить так. Родилась 18 марта 1906 года в имении Выра, село Рождествено бывшего Царскосельского уезда. В 1930 году в Праге окончила философский факультет Карлова университета, а в 1936-м – курсы библиотекарей при нем. Владела русским, чешским, французским, английским и немецким языками. Работала библиотекарем в Карловом университете, а затем, в 1945-1947 годах, переводчиком в Министерстве иностранных дел Чехословакии. 25 июля 1947 года была принята на работу в ООН, в библиотеке работала сначала каталогизатором, затем начальником отдела комплектования. Ушла на пенсию в марте 1966 года. Скончалась в Женеве 9 мая 2000-го, проведя неполные два месяца в доме престарелых и не дожив полгода до рождения первого правнука. Похоронена в Женеве.

Что стоит за этими скупыми строками? К моменту знакомства с Еленой Владимировной автора этих строк, ей было уже 93 года, но и в этом преклонном возрасте она поражала ясностью ума, тонким чувством юмора и царственной осанкой, которую, согласитесь, непросто сохранять, сидя в инвалидном кресле. Аристократизм чувствовался в каждом жесте, в каждом взгляде этой полной в молодости, а к концу жизни усохшей и страдавшей от артрита дамы. До самых последних дней Елена Владимировна обожала играть в русский скрэбл, причем со значительно более молодыми партнерами, которых она нередко доводила до слез. В силу естественного хода вещей, мало уже осталось людей, знавших Елену Сикорскую и способных рассказать о ней. А потому в поиске «подробностей» мы обратились к ее живущему в Женеве единственному сыну – Владимиру Всеволодовичу Сикорскому, 28 лет проработавшему в ООН переводчиком-синхронистом.

Наша газета.ch : Владимир Всеволодович, как бы Вы охарактеризовали среду, в которой родилась и провела детство Ваша мама?

В.В. Сикорский: Это была не только и не просто очень обеспеченная семья – у Набоковых было 60 человек прислуги, имевшей тенденцию подворовывать, исчезновение вещей приводило бабушку и дедушку в недоумение. Это была еще и очень культурная семья – все окружавшие маму люди были прекрасно образованы, владели иностранными языками. Думаю, в нашем доме было очень интересно и весело жить – та атмосфера прекрасно описана у Набокова в «Других берегах». Такой рай земной. Потерянный, конечно.

Елена Ивановна Рукавишникова-Набокова с детьми: Владимиром, Ольгой, Еленой и Сергеем. Санкт-Петербург. (из семейного архива)

Какое образование она успела получить до отъезда из России в 1919 году?

Сначала она, как и все дети Набоковых, занималась с домашними учителями, а затем поступила в гимназию М.Ю. Стоюниной в Петербурге.

В сохранившейся учетной карточке в ООН есть информация о пражском периоде жизни Елены Владимировны, но ведь до этого был еще Берлин.

Совершенно верно, именно в Берлин Набоковы сначала уехали. Там случилась трагедия. Дело в том, что мой дед был активным членом партии кадетов, которую возглавлял П.Н. Милюков, разработавший со временем так называемую «новую тактику», отвергавшую как продолжение вооружённой борьбы внутри России, так и иностранную интервенцию в качестве методов борьбы с большевиками. Многие товарищи по партии его не поддержали, в итоге в июне 1921 года он из неё вышел. Милюков не раз подвергался нападкам со стороны монархистов, одно из покушений на него произошло 28 марта 1922 года в Берлине – в зал, где проходил очередной митинг, вошли два молодых фашиста, но вместо Милюкова был убит мой дед. После этого семья уехала в Прагу.

А на что они жили?

Вот это для меня совершенная загадка! То есть в Берлине это еще как-то понятно: дед был одним из редакторов ежедневной газетой «Руль», просуществовавшей до 1931 года. То есть какую-то зарплату он получал, хоть и вряд ли значительную. А в Праге – просто не представляю! Надо сказать, что ни мне, родившемуся в Праге в апреле 1939 года (а немцы вошли в марте), ни моим родителям война особого вреда не причинила, разве что жили мы крайне бедно. Неприятности начались в 1945 году, когда в Прагу вошли советские войска. Теоретически, мой отец, Всеволод Вячеславович Сикорский, бывший офицером Добровольческой армии Врангеля, должен был исчезнуть. Но произошли два чуда. Первое чудо – его не взяли. Нам рассказывали, что по ошибке был арестован какой-то его однофамилец, который сразу умер, и его фамилию из списка вычеркнули. Второе чудо – маме удалось получить место в ООН, в Женеве.

HELENA NABOKOVÁ
EVZENIE HOEFELDOVÁ

Могила Елены Ивановны Рукавишниковой-Набоковой на кладбище в Праге (из семейного архива)

Как же ей это удалось?

Я думаю, она просто ответила на объявление, и так получилось, что ее квалификации полностью соответствовали указанным требованиям – языки, библиотекарское образование. Так что мы улетели в Женеву, а через год, при помощи Красного Креста, маме удалось вызволить и отца.

Запомнились ли Вам какие-то рассказы Вашей мамы, связанные с ее работой?

Там нередко возникали странные, почти анекдотические ситуации. Помню ее рассказ о том, как к ней пришла советская делегация с жалобой на то, что они обнаружили в библиотеке книги Франко, и с требованием их устранить. Мама пошла проверить и выяснила, что речь шла о произведениях не испанского диктатора, а Ивана Франко – украинского писателя, в 1915 году выдвигавшегося на Нобелевскую премию. Мама пошла к своему начальнику, очень робкому австрийцу, объяснила ему, в чем дело, и он сказал: «Знаете, на всякий случай Вы эти книги все же уберите!»

А как вообще складывались отношения Елены Владимировны с представителями СССР? Они как-то на нее «реагировали»?

Да нет, не особенно. Но ведь тогда и Набокова в СССР практически не знали, его сочинения не издавались. То есть отношение было равнодушное. Первым «советским», пришедшим к нам в гости, был Давид Вартанович Тер-Ванесян, работавший в Международной Организации Труда. Я отлично помню такую сцену: уходя, он должен был захватить что-то к себе домой, и мама дала ему пластиковый пакет. На что он отреагировал: «Да, вот у нас революция, а у вас – пластиковые пакеты». Прозвучало это грустно. Мама очень подружилась со всей его семьей, много лет состояла с ними в переписке, ездила к ним в гости в Ленинград, когда его командировка в Женеве закончилась.

Редкая фотография совсем молодого Владимира Набокова, перешедшая к Елене Владимировне из архива Зинаиды Шаховской (из семейного архива)

У Набоковых было пятеро детей. Как сложились их судьбы?

Сергей Набоков, переводчик и журналист, в 1945 году погиб в нацистском концлагере Нойенгамме – мы думаем, он попал туда из-за того, что был гомосексуалом. Ольга умерла в Праге в 1978 году, она была совершенно сумасшедшая. У Кирилла была маленькая и не очень успешная туристическая компания в Брюсселе, закрыв ее, он поступил на работу на Радио Свобода в Мюнхене, где и умер в 1964 году от инсульта. Про Владимира Набокова все известно – последние годы он провел в Монтрё, где скончался в июле 1977 года.

Работая в библиотеке, Елена Владимировна получала книги советских авторов. Как в семье относились к советской литературе?

С презрением. При этом нельзя отрицать элемент предвзятости. Когда Набокову, тогда уже преподававшему в Америке в университете, послали список советских книг с просьбой его прокомментировать, он вернул список, начертав лишь «There is no Soviet literature».

И тем не менее Ваша мама и покупала, и выписывала советские литературные

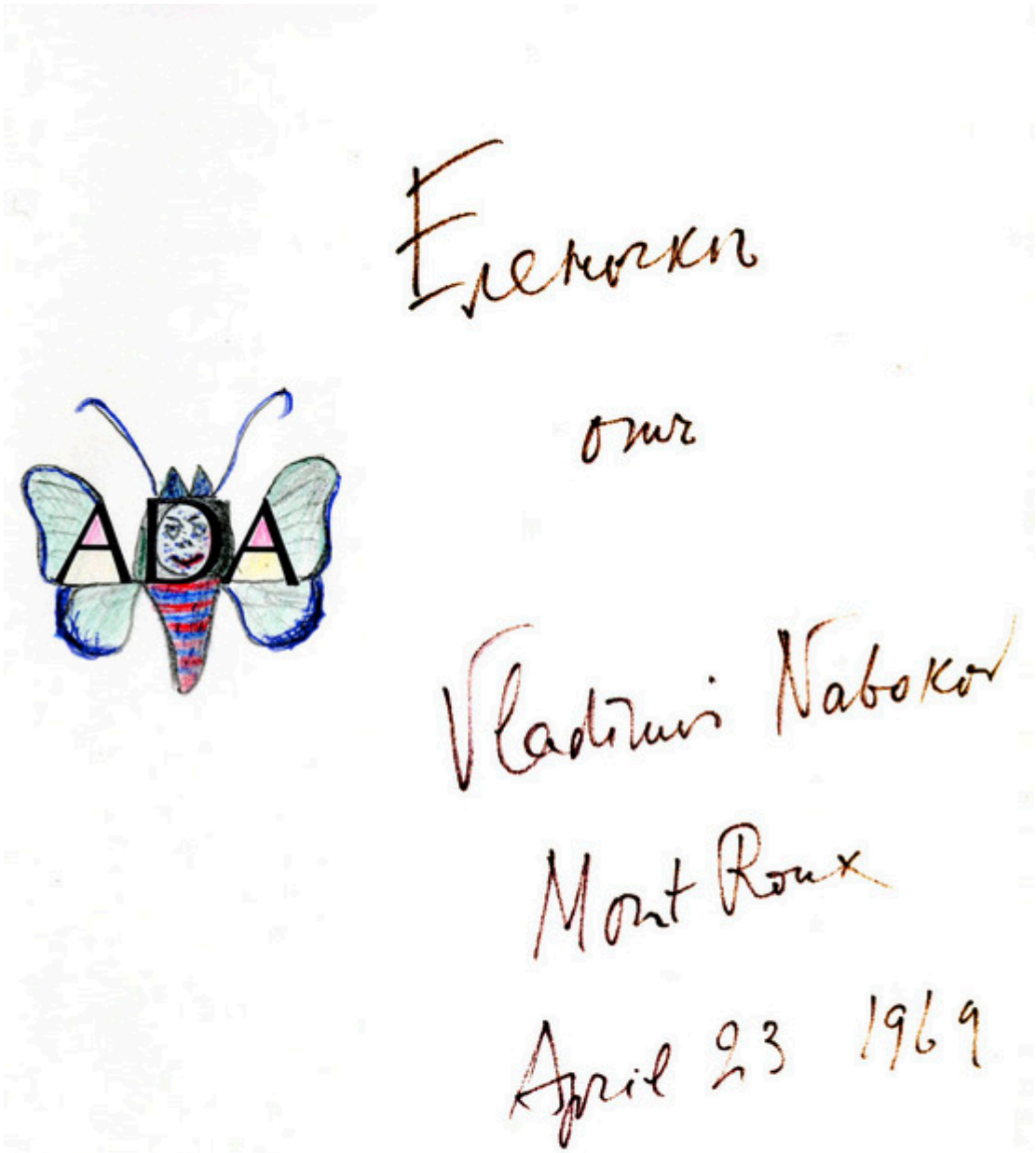
журналы – у Вас на книжной полке до сих стоят подшивки «Нового мира» и «Знамени». До конца дней Елена Владимировна исправно читала «Огонек».

Все это так, и интерес, конечно, был, но не как к литературному явлению, а, скорее, как к факту жизни. Вообще, как и любого нормального русского человека, оказавшегося заграницей, все, происходящее в России, маму очень интересовало.

Понятно, что совершенно особая статья ее жизни – это отношения с братом, с которым они были очень близки, их обильная переписка опубликована.

Если кратко, мама своего брата Владимира совершенно обожала! Когда он наконец приехал в Швейцарию в 1956 году, отношения возобновились и активизировались, раз в месяц мы ездили к нему в Montreux Palace, где торжественно обедали. Было очень смешно, когда к нам присоединялся Кирилл с женой. Кирилл обожал маленькие фольклорные ресторанчики, а Набоков это презирал. Поэтому обеды проходили довольно скучно – за едой, соответствующей «дворцу».

Однажды вышло так, что Вера, жена Набокова, куда-то уехала, а я как раз работал в Монтрё, в здании прямо напротив отеля. Мы с Владимиром Владимировичем каждый день вместе обедали и играли в шахматы – блестящий игрок, он обыгрывал меня беспощадно! Кстати, шахматные проблемы интересовали его больше, чем сами партии.



Сестре от брата - эта бабочка украсила авторский экземпляр первого американского издания "Ады" (из семейного архива)

А правда, что, когда Вера уезжала, Ваша мама получала шуточные инструкции «по уходу за Набоковым»?

Да, это было очень смешно! Набоков писал их сам, словно имел дело с полной идиоткой. Ну буквально – "если звонит телефон, надо поднять комбине и ответить". В таком духе. У Веры чувство юмора было развито меньше, что не мешало ей поддерживать с мамой самые наилучшие отношения.

Известно, что сохранилось крайне мало изданий книг Набокова с дарственными надписями.

Он подписывал книги только членам семьи: Вере, маме и сыну Димитрию. Ни разу он не согласился на то, что делают многие писатели – идти в какой-то книжный магазин и подписывать. Это было исключено. Когда мы еще жили в нашем старом доме в женевском предместье Труане, то, приходя в гости, он всегда оставлял на стене в туалете маленькую бабочку. К сожалению, взять их с собой при переезде не удалось.

За недолгое время, что я успела застать, наблюдала, что Вас мама тоже обожала. А почему она называла Вас Жикой?

(смеется) Ну как меня не обожать?! А Жикой меня прозвал отец. Когда я родился, он почему-то решил, что я буду рыжий, и началось – рыжик, Жика. Сейчас меня называет так только один человек – моя бывшая коллега Наташа Галь, урожденная княжна Мещерская. Однажды, когда Набоков уже был в чести, я поехал в Ленинград, где меня попросили выступить на эту тему. И из зала раздался вопрос: «Простите, а Жикушка – это Вы?». Значит, переписку уже читали.

Была ли мама способна на критическое отношение к сочинениям брата, или она считала, что все, что выходит из-под его пера – гениально?

Нет, ни на какую объективность в отношении Набокова она способна не была.

Ваша мама, несмотря на работу в ООН и прожитые в Швейцарии 53 года, так и не получила швейцарское гражданство и умерла апатридом. Почему так получилось? Разве наличие паспорта не облегчило бы ей какие-то бытовые вопросы?

Это вообще довольно интересная история. Через два года после переезда в Женеву мои родители получили письмо из Чехословакии с предложением вернуться – «ненадолго», «оформить документы». Они на эту удочку не попались и решили не ехать. Кстати, меня всегда удивляет, как люди, побывавшие в подобных ситуациях, говорят, что они «не знали». Мои мама и папа знали все! Короче, они не поехали, после чего их известили о лишении всех нас чешского гражданства. Там мы стали апатридами. Нам выдали голубые нансеновские паспорта, по-французски они именовались «документ для путешествий», с ними можно было спокойно разъезжать, имея, конечно, визу. Именно с таким паспортом моя мама каждый год отправлялась в СССР.

Е.В. Сикорская на берегу Женевского озера (из семейного архива)

Если я не ошибаюсь, впервые она поехала в Ленинград в 1973 году, и с этой поездкой связана практически анекдотическая история?

Да! Мама пошла навестить свой родной дом на Большой Морской, в котором тогда еще, конечно, не было никакого музея Набокова, и была встречена типично советским приветствием вахтерши: «Вам куда? В какую квартиру?» Мама объяснила, что ни в какую, что ей просто интересно посмотреть, она тут когда-то жила. «А в какой квартире?», - продолжала допытываться вахтерша. На что мама спокойно ответила: «Да собственно, во всех». Представьте себе изумление вахтерши!

Ездить же в Ленинград она обожала. Она приезжала, вселялась в «Асторию» и сидела, там как памятник, принимая визиты – к тому времени Набоков уже стал

известным. Ее «посещали», ей было страшно весело!

Я знаю, что в семье все говорили по-русски, благодаря чему и Вы сохранили язык. А соблюдали ли какие-то традиции? Отмечали ли праздники?

На Пасху мама с папой делали куличи и пасху, покупая подобие творога в маленьком магазинчике на Пленпале. А воспитывал меня больше отец. Когда он приехал в Швейцарию, ему уже было за 50, из языков – только очень плохой французский. Так что работу он не нашел и занимался домом: готовил, мыл посуду, все делал. У отца была такая теория в толстовском духе – надо быть независимым, уметь все делать самому. Это повлияло и на меня – я не считаю мытье посуды унизительным занятием.

А русский язык был для нас всех очень важным, для меня же он вообще стал профессией.

Что же Вы детей своих не научили?

Как же я мог представить, что один из моих сыновей женится на большевичке?! (смеется) Но если говорить серьезно, то язык все же чаще всего передает мама, не зря же его называют материнским. Был, правда, в ООН один болгарский делегат, говоривший: «Русский – это мой матерный язык».

С любимым внуком Алешей (из семейного архива)

Какие у Ваших родителей были отношения с русской церковью?

Самые нейтральные. Вопросы религии в семье не обсуждались. Отец иногда ходил в церковь, но, скорее, как в клуб – для поддержания отношений с русской эмиграцией. Я сам мальчиком даже прислуживал в церкви, в оранжевом одеянии. Но как только мне расхотелось это делать, никто меня не заставлял. Вообще, к институту церкви в семье относились как к довольно примитивному заведению. В Женеве был такой владыка Антоний, с которым мама общалась. Однажды он ей позвонил и попросил зайти в больницу, где находилась какая-то русская женщина. И добавил: «Я бы сам пошел, но вдруг она жидовка?» На этом отношения мамы с церковью, где он служил, прекратились навсегда.

То есть Вашей маме был небезразличен еврейский вопрос?

Более того, он вызывал между родителями яростные споры! Мама была настроена очень проеврейски. Возможно, тут сыграло роль и то, что ее отец защищал Бейлиса в знаменитом «деле», и то, что на еврейке женился Владимир Набоков. То есть была семейная филосемитская традиция, а антисемитизм считался признаком примитивности и чем-то недопустимым.

Со стороны отца было наоборот, он считал, что революцию совершили евреи, со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом ему не пришло бы в голову пойти к врачу – не еврею или купить папиросы не у Davidoff. Так что теория расходилась с практикой и не имела отношения к человеческим отношениям.

В вашей семье, по мужской линии, чередуются имена Владимир и Дмитрий. Как это Вы отошли от традиции, назвав собственных детей Алексей и Давид?

Можно подумать, меня кто-то спрашивал! *(смеется)* Я хотел одного из них назвать Кириллом, но мне не разрешили.

Какое самое яркое воспоминание о маме Вы храните?

Я отлично помню ее смех. Он был заразительным.

Владимир Набоков
памятники культуры
достопримечательности швейцарии

Source URL:
https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/elena-sikorskaya-nabokova-zhizn-dlinoyu-v-vek-pochti